

Нынешний май соединил в себе два великих праздника. Хронологически, это государственный праздник Победы, который мы отмечаем 9 мая, и христианский праздник Пятидесятницы во славу Пресвятой Троицы и сошествия Пресвятаго Духа, ибо именно в пятидесятый день по Воскресении Христовом, обещанный Спасителем Утешитель, Пресвятой Дух зримым образом сошел на Апостолов в виде огненных языков. События эти не равнозначны. День Победы принадлежит Отечественной истории, Великому подвигу народа, и является славой его армии. Победа принесла нашей Родине освобождение от немецко-фашистских захватчиков, дала возможность мирной жизни страны. Событие же Пятидесятницы относится ко всему роду человеческому. Это день рождения Христовой Церкви, заключение Нового вечного завета Бога со всеми людьми. Оно хоть и имеет дату свершения, но не имеет конечной даты, как все, даже самые великие земные события.

Они не равнозначны, но в обоих -- завершение страданий и надежда на жизнь. В сорок пятом наша армия выполнила свое предназначение -- отстояла право на физическое существование своих граждан. Но и предназначение Церкви Христовой -- спасение *своих граждан*

от рабства греху, осуществление надежды на вечную жизнь. Именно в дни войны Церковь и армия, оказываются так близки. Можно сказать, что в Отечественной войне были одержаны две победы. Военная и духовная. Мудрость народная говорит: «Всякая война от супостата (дьявола), а не от Бога», она есть зло. Но Господь и зло превращает в орудие добра для человека. Перед лицом смерти, в горе по погибшим родным, люди вспомнили о Боге, о Церкви, о молитве. Война -- зло, «но для человека, погруженного в развратную своекорыстную жизнь, война может быть даже единственным средством отрезвления. В этом и смысл войны, как промыслительного пощущения, отвлечения человека от мелкой – себялюбивой жизни к жертвенной; от ада похоти и сладостей к граням подлинного бытия. Для христианина война может быть огрублением, оземлением, погружением в плотскую стихию; для себялюбивого «плотского» человека война может быть восстановлением его подлинно духовной жизни» (архиепископ Иоанн Шаховской). Сколько солдат ушло на войну атеистами, а вернулись верующими! Сколько матерей, жен и сестер научились молиться! Сколько родителей, потерявших своих детей, нашли утешение в вере!

Мало было военной силой победить фашизм, освободить живых и почтить погибших, необходимо было дать им возможность жизни вечной. И милостью Божией, в России открыли церкви и монастыри, возобновили церковную службу, вернули из лагерей духовенство. Люди опомнились, проснулись от духовного сна. Они на собственном горьком опыте познали, что «без вечности и бессмертия все, что в мире, -- ни к чему и незачем. С Богом – все осмысленно, получает свой смысл и свою цель. Все трудности, все труды и страдания человека озаряются смыслом, и сама смерть несет в себе свет

вечного бытия». Протоиерей Виктор Шиповальников вспоминал, как в освобожденной Одессе храмы не вмещали желающих креститься и крестили в городских фонтанах. Как когда-то, при святом Владимире, крестили в водах Днепра. На фронтах служили молебны. Офицер, участник освобождения Кенигсберга, рассказывал: «Наши войска уже совсем выдохлись .... Вдруг видим: приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними ... священники с иконами. Многие стали шутить: «Вон попов привезли, сейчас они нам помогут». Но командующий быстро прекратил всякие шутки, приказал всем построиться и снять головные уборы. Священники отслужили молебен и пошли к передовой с иконой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут? -- во весь рост – их же всех перебьют ... Но они спокойно пошли в огонь. И вдруг стрельба с немецкой стороны одновременно прекратилась. ... И наши войска начали общий штурм города-крепости – с суши и с моря».

До революции солдаты и офицеры русской армии именовались **христоролюбивым воинством**.

Как писал

И. Ильин, «воин именуется «христоролюбивым» не только потому, что он член христианского государства ..., и что сам он призван оборонять христианскую веру; а еще и потому, что, что в любви к Христу и к преподанной Им полноте совершенства он имеет живую основу своего личного духа, ею утверждает святую своего личного Кремля, в ней почерпывает необходимую ему силу подвига и очищения». Воин более всех других нуждается в Церкви. Ведь его ратное дело – убийство. То есть страшный грех, который мы называем смертным, так как он разрушительно действует на душу человека. Однако «меч духовно необходим человеку в земной борьбе за дело Божье; но принять бремя связанных с ним душевных и телесных опасностей и страданий может лишь тот, кто утверждает свою любовь, свою жизнь и деятельность в луче Божьего света и совершенства. ... И вот, если объединить все государственное начало понуждения и пресечения в образе воина, а начало религиозного очищения, молитвы и праведности в образе монаха, -- то решение проблемы выразится в усмотрении их взаимной необходимости друг для друга. Воин, как носитель меча ... нуждается в монахе как в духовнике, в источнике живой чистоты, религиозной умудренности, нравственной плеромы: здесь он приобщается благодати в таинстве и получает силу подвига; здесь он укрепляет свою совесть, проверяет цель своего служения и очищает свою душу. И самый меч его становится огненной молитвой» (И. Ильин).

Русскому воинству привычно воевать не за своекорыстные интересы, а имея высокую цель. **За Веру, Царя и Отечество**. И это непременно сказывалось на результате. 27 июня 1709 года недалеко от Полтавы сошлись две армии. Лучшая в Европе шведская армия под предводительством лучшего полководца Европы Карла XII и юная армия Петра. Оба полководца вдохновляли своих солдат перед битвой. Шведский король пообещал своим бойцам хороший обед и добычу в русском обозе. Русский царь призвал солдат биться «За Россию и российское благочестие». То есть за Отечество и Веру. Чем закончилось -- мы знаем. В народной памяти осталась поговорка: «как швед под

Полтавой». В советской армии красные командиры, конечно, не призывали сражаться за веру или царя. Но и советские солдаты шли в бой не просто так, совершенно искренне многие кричали: «За Родину, за Сталина!» Пусть личность вождя была неоднозначной, но в дни войны он олицетворял государство.

Воинство и духовенство объединяет служение. Эти сословия отличает от прочих отказ от своей воли, подчинение ее воле другого. Вступающий в армейскую службу и принимающий духовный сан дают присягу. Армия и Церковь имеют схожую структуру аналогичную строению ангельского мира. Всем знакомо понятие *военная дисциплина*, как эталон абсолютного порядка. Но и дисциплина церковная не уступает армейской. И там, и там – лестница чинов. Как сообщество ангелов делится на чины, и представляет собой некую лестницу, где низший находится в подчинении у высшего, так и военные чины действуют не по своей воле, а по приказу свыше. Та же жесткая подчиненность и в Церкви. Священник может служить только по благословию архиерея, а дьякон не может даже облачиться в стихарь без благословения священника. Перед службой он подходит к служащему священнику со стихарем и произносит: «Благослови, владыко, стихарь с орарем». И на кадило, с которым он пойдет кадить храм, он так же берет благословение: «Благослови, владыко, кадило». Как армейский человек не сам выбирает себе место служения, а подчиняясь приказу, отправляется куда укажут, так же находящийся в духовном звании, служит там, куда его направили. И никакие обстоятельства не могут, во всяком случае, не должны, принудить их покинуть место служения. На сегодняшний день эти две ипостаси служения, когда человек смиряется добровольно и осознанно, а не вынуждено, ввиду ситуации или каких-то особых условий, пожалуй, единственные в нашем обществе.

Как символ отсечения своей воли, у военных и у духовенства обязательно ношение форменной одежды. И заметим, что одежда военнослужащих и духовенства несколько веков была некоторым образом схожа. И там, и там был обязательным пояс. Препоясаться мечом – у воина. У монаха, как воина Христова, пояс из *мертвой кожи*, как символ умерщвления пожеланий. Манжеты на военных кителях сохранялись до восьмидесятых годов прошлого века. На подряснике они сохранились и поныне. Это символ укрепления рук – силы. Мантия монаха тоже, можно сказать -- из военного гардероба. Для воина прошлых веков плащ был необходим, он скрывал фигуру, не позволяя неприятелю прицелить удар. Русская скуфья имеет форму воинского шлема. В форменной одежде офицера довольно долго сохранялись золоченые элементы. И заметьте, находились они там, где человек прикладывает руку при крестном знамении: кокарда на фуражке, погоны на плечах и бляха ремня. И еще одна параллель: жесткий стоячий ворот кителя и подрясника. Как защита от рубящего удара.

В Российской Империи военные победы с благодарением Богу поминали на церковных

службах в так называемые викториальные дни. Так, например, 27 июня торжественно вспоминали победу под Полтавой, одержанную в 1709 году. Память избавления Церкви и Державы Российской от нашествия французов и с ними дванадцати язык отмечалась 25 декабря. Девятого мая мы обязательно вспомним с благодарностью к Богу и нашу Великую Победу, *яко Бог помощник нам есть, и Бог Вышний избавитель нам есть (Пс.77,35-36).*

Во всех православных храмах нашего Отечества будут отслужены панихиды по погибшим воинам. После службы кое-кто пойдет или поедет на кладбище, положит живые (неприменно живые) цветы на могилу деда, прадеда или отца – солдата. Кто-то пройдет в колонне Бессмертного Полка. С портретом и с цветами. Кто-то за семейным столом будет в этот день вспоминать воевавших родных. И на столе тоже непременно будут стоять цветы. Не случайно здесь сказано о цветах. Цветы -- это напоминание о рае, о его красоте, они -- символ вечной жизни. Они особенно уместны, когда мы вспоминаем погибших воинов, и тех фронтовиков, кто исполнил свой воинский долг на полях сражений и покинул этот мир позже. Защитники Отечества у Бога на особом счету: «

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13).

А в Троицу мы опять вспомним о цветах. Все храмы будут украшены весенней зеленью. Прихожане придут с букетами березовых веток и цветов. Цветы и ветви явят собой символ животворящей силы Пресвятого Духа. И как иудеи в ветхозаветной церкви в праздник Пятидесятницы имели обычай приносить первые плоды жатвы, так мы в праздник христианской Пятидесятницы приносим цветы, как начатки Богу от весны, обновляющейся силою Духа Зиждителя и как образ духовного плодоносия Церкви Христовой.

В мае нас ожидают два великих праздника. Праздник Победы неразделим со славой нашей армии. В этот день мы будем особенно чествовать не только ту, победившую в сорок пятом, но и сегодняшнюю армию. Вспомним, что те, кто сегодня носит военную форму, посвятили себя служению России, обязались хранить жизнь и покой ее народа. А в День Пресвятого Духа мы вспомним событие рождения Церкви, когда Дух Пресвятой излился на святых апостолов – первых священнослужителей, в виде огненных языков. Вспомним, что армия и Церковь – наши хранители. Благодаря армии мы имеем возможность мирной жизни. Благодаря Церкви – возможность жизни вечной. И потому, наша святая обязанность -- молиться о них. О Церкви и об армии.